

ПРИВЕДИ К НАМ несколько товарищей, — сказала мама. — Сергей Сергеевич хочет показать свою новую симфоническую сказку.

Эта просьба, скажем прямо, не привела меня в восторг. Среди моих приятелей, населявших пятиэтажный дом в одном из переулков Арбата, не было ценителей серьезной музыки. Да и композитор **Сергей Сергеевич Прокофьев** мне, ученику шестого класса, не очень нравился. Он недавно вернулся в Москву из Парижа, где провел много лет, носил «буржуйский» костюм песочного цвета в коричневую клетку и галстук-бабочку, под стеклами его роговых очков прятался холодные серые глаза. Заставая меня в квартире одного, он здоровался

из-за границы? — спросил Сергейка по прозвищу Миледи, а Ленка Смирнов по кличке Планше поинтересовался: — Закурить стырим?

Ребята ввалились к нам в квартиру, расселись на диване, на стульях, на полу. Я заметил, что в глазах композитора нет никакого холода, в них светился живой интерес к мальчишкам с нашего двора. Наверное, Сергей Сергеевич даже волновался, но волнение его не было заметно: не раз и не два композитору Прокофьеву приходилось в жестоких драках отстаивать собственные позиции в искусстве. Как Бетховену и Мусоргскому, как Маяковскому и Мейерхольду. Прокофьев всю жизнь стремился выражать свои мысли предельно

сил всех присутствующих на премьеру «Пети и Волка» в исполнении симфонического оркестра и рассказал, что в оркестре о Пете будет рассказывать струнный квартет, о птичке — флейта, о кошке — кларнет, об утке — гобой, о ворчливом дедушке — фагот. Волторы заревут волчьим голосом, а барабаны захлопочут выстрелами охотников...

...Прошло семнадцать лет. В конце зимы 1953 года служба занесла меня в Прикаспийские степи. Мимо трехтонки, в кузове которой я ехал, тянулись плоские и унылые заснеженные пространства. Темные соленые озера были похожи на незрячие глаза. В телефонных проводах неуютно стонал ветер.

Люди, с которыми предстоя-

— Мы передавали Сельмую симфонию Сергея Прокофьева.

За окном красного уголка топились стволы деревьев. Искоруженные, скрученные свирепым ветром — они все же поднялись на просоленной земле пустыни. Мне говорили, что этот сад вырастила Елена Серова, лесовод. Ее мужу, инженеру Серову, проложившему первую в здешних местах железную дорогу, Паустовский посвятил главу в повести «Кара-Бугаз». Глава называлась «Полководец». Люди с которыми мне предстояло встретиться на промысле Доссор, были прямыми наследниками героев «Кара-Бугаза», и я почувствовал себя счастливым оттого, что сейчас буду говорить с ними. Музыка, которая только что пронеслась в моем сознании, разогнала угрюмые тучи. Передо мной вновь открылся многоцветный и бесконечно-увлекательный мир, в котором стоило быть человеком.

Я не знал, что тот февральский день был одним из последних в жизни великого искателя — Сергея Сергеевича Прокофьева. И лишь недавно удалось мне узнать, как создавалась его последняя, Седьмая симфония, одно из самых жизнеутверждающих музыкальных произведений, когда-либо написанных человеком. Меня искренне обрадовало, что Седьмая действительно оказалась в самом прямом родстве с «Петей и Волком».

Случилось это так. В первые послевоенные годы «Петя и Волк» часто исполнялся по радио. И каждый раз музыкальная сказка вызвала метель детских писем с рисунками, причем Петя нередко изображался в пилотке со звездочкой, а Волк в стальной каске со свастикой. Мальчишки и девчонки, их родители писали Всесоюзному радиокомитету, что музыка Прокофьева им понравилась, и требовали, чтобы композитор сочинил новую детскую симфонию — еще одну историю про смелого пионера Петю.

Композитор с жадным вниманием читал эти письма. Его увлекала трудная задача — открывать детям страну музыки. Сергей Сергеевич набросал основные темы новой симфонической вещи, которая как бы связывала сказку с сегодняшним днем. Но «детские» темы независимо от воли автора приобрели все более «взрослое» развитие. Иначе, пожалуй, и быть не могло — ведь ровесники пионера Пети, мальчишки тридцатых годов, росли, мужали. На их долю выпали трудные, почти нечеловеческие испытания, и они все одолели, вышли победителями в величайшей из войн. И разве мог оставаться мальчишкой сказочный пионер Петя?

Эти мысли, которые, как мне кажется, кроются в услышанной мной музыке. Может быть, вы не согласны со мной? Однако музыку каждый волен понимать по-своему, ее язык общедоступен, но никогда не однозначен, если это, конечно, серьезное произведение. Рассказывают, что впервые исполнил в узком кругу знатоков клавиш Сельмую симфонию, Сергей Сергеевич озабоченно спрашивал:

— Скажите честно, не кажется ли язык этой вещи чересчур упрощенным? Ведь симфония писалась сначала для детей...

Адриан РОЗАНОВ.

Усть-Каменогорск.

ВСТРЕЧИ В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО С СЕРГЕЕМ ПРОКОФЬЕВЫМ

коротеньким кивком и, не говоря ни слова, уединился в большой комнате возле пианино — ко мне доносились холодные, как ледники, звучания.

Мама работала в театре для детей, где устраивали еще и концерты. На сцене перед мальчишками и девчонками рассказывался настоящий симфонический оркестр. Пели знаменитые певцы — Козловский, Барсова. Девятилетний вундеркинд Иосиф Мейстер играл вместе с оркестром на скрипке. Это было здорово! Я полюбил музыку Бородина, Чайковского, Мендельсона. Но того, что сочинял наш новый знакомый Сергей Сергеевич Прокофьев, понять не мог. Его сочинения, которые удалось услышать, казались лишними мелодии, однообразными, как шум работающей машины. А мама называла Прокофьева одним из выдающихся композиторов современности, по ее сюжету Сергей Сергеевич даже написал музыкальную сказку, на которую мне предстояло пригласить приятелей.

Несхожие мнения о музыке Прокофьева были не только у меня с мамой. Теперь-то я это знаю, а в дни своего отрочества не слышал о скандале, развившемся в... Большом театре. Чуть ли не вся балетная труппа отказалась танцевать в спектакле «Ромео и Джульетта» под музыку, созданную Прокофьевым. Самые изящные танцоры отзывались о ней в самых неизящных выражениях, не подозревая, что вскоре эта «скрежущущая» музыка поможет им достичь высот подлинной славы. Человек нелегко расстается с привычными представлениями о прекрасном во имя того, чтобы увидеть его новые горизонты.

Правда, в тринадцать лет я об этом не думал, а просто спускался по лестнице во двор, размышляя, под каким соусом завербовать слушателей. Однако усилий для этого почти не потребовалось.

— Прокофьев? Это который

просто и не его вина, что эта простота сначала казалась людям непомерно сложной. Мальчишки, собравшиеся в нашей квартире, были будущим страны, которой композитор мечтал отдать все, что знал и умел...

Впрочем, почти сорок лет назад я в таких вещах не очень-то разбирался. Просто мама попросила нас соблюдать тишину — даже если музыка придется не по нраву, — и, помедлив, произнесла первые слова сказки:

— Рано утром пионер Петя открыл калитку и вышел на большую зеленую лужайку.

Сергей Сергеевич тронул клавиши, зазвучала мелодия, ясная, как солнечное утро, свежая, как листва ионических берегов, сверкающая от капель росы... Может быть, вы еще не знаете этой музыки? Послушайте ее внимательно. Человека, сохранившего добрые воспоминания о своем детстве, эта музыка увлечет озорным весельем, зарядит бодростью. Впрочем, многое зависит от того, умеете ли вы слушать. Слушать тоже ведь надо учиться...

Но я вовсе не собираюсь расхваливать достоинства «Пети и Волка». Сказку Прокофьева узнали миллионы маленьких и взрослых слушателей во всем мире, она записана на великое множество пластинок, ее текст звучит на английском, французском, испанском, японском... Около тридцати киностудий разных стран сняли по этой сказке мультфильмы.

— Во, здорово! — сказал Ленка Смирнов по прозвищу Планше, когда в нашей квартире отзвучал заключительный аккорд «Пети и Волка». Все захопало и попросили Сергея Сергеевича повторить марш, которым заканчивается сказка. Композитор охотно выполнил просьбу. Я впервые увидел, что он умеет улыбаться широко и открыто, ему было радостно оттого, что он в силах подарить мальчишкам чистоту своей души. Сергей Сергеевич пригла-

ло встретиться на нефтепромысле Доссор, оказались заняты. Меня попросили подождать в холодноватом красном уголке. Я повернул включатель радиоприемника, вспыхнул зеленый огонек, и сквозь потряскивание и шорохи ко мне величаво вышла музыка большого оркестра. Она сразу взяла за душу, повела за собой на широкую русскую равнину, окаймленную дремучими лесами (как на картине Левитана «Над вечным покоем»). Среди равнины текла широкая река. Это была река Времени, по ней неторопливым и бесконечным потоком катились человечьи судьбы, и кровь, и слезы. Мне вспомнились ребята, мои приятели, не вернувшиеся с войны...

Но вот над потоком Времени поднялась другая мелодия — светлая и властная. Это шел по сумрачному миру Человек, влюбленный в жизнь. Человек — создатель. И мир менялся на глазах. Над синими зубцами леса поднималось огромное солнце, и поток Времени заиграл разноцветными переливами... Через несколько мгновений я узнал его — бывшего пионера Петю. Черты лица его огрубели, мускулы налились силой. И не сказочный Волк, которого можно поймать за хвост, — полчища Зла и Тьмы противостояли Пете и его товарищам.

У меня уже не оставалось сомнений в том, что я слушаю новое произведение Сергея Прокофьева. Какое? Как оно называется? Эти вопросы были не так уж важны. Куда важнее была сама музыка — она рассказывала о судьбе моего давнего знакомого, Пети, который вырос работником и мечтателем. А в душе его, рассказывала мне музыка, продолжает жить неистребимое, неутомимое ребячество, столь необходимое всякому, кто всерьез стремится проникнуть в заповедные тайны бытия.

Музыка замерла. Приемник похрипел и голосом диктора сказал:

С. АМАТА

7 МАЯ 1975